

Татьяна Двинятина

Дневники И.А. Бунина 1920-х гг.: пространство и пределы реконструкции

Ivan Bunin's 1920s Diaries: Limits and Space for their Reconstruction

This article examines the relationship between Ivan Bunin's 1920s diary entries, the concrete events of his life and the diaries of his wife, Vera Bunina. An attempt is made to reconstruct what might have been in those parts of his diary, which Bunin subsequently destroyed. Attention focusses on the principles governing the choice of events to be recorded at the time the diary was being written (hypothetically) and the principles that determined the subsequent selection of diary entries for the retrospective construction of a personal history (more concretely).

Interrogating the assembled documentary evidence makes it possible to delineate the visible limits of Bunin's inner biography accessible to the scrutiny of researchers and readers in our own time.

Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных¹, сохранившиеся в их семейном архиве, ставят перед исследователем ряд вопросов, ответы на которые важны и с точки зрения конкретных сюжетов собственно бунинской жизни, и для уяснения общих законов построения человеческой и писательской автобиографии,

и в перспективе дальнейшего бытования сложившегося образа в сознании *иного* (времени, человека, центра истории). Историка литературы традиционно занимает соотношение реальной биографии писателя и биографии, какой она является из его дневниковых записей, черты человеческой личности и приемы создания литературной репутации, которые выступают на страницах дневника. Применительно к дневникам Бунина 1920-х годов надо учитывать, что сам автор дневника не раз принимался за пересмотр своих за-

¹ Тексты дневников И.А. и В.Н. Буниных приводятся с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса.

писей и оставил далеко не полное их собрание (об этом см. Двинятина 2019). Значит, в этом случае особого внимания заслуживает вопрос о том, какие дневниковые записи Бунин оставил в своем, уже не только личном, но и литературном наследстве. Иными словами, обращаясь к дневникам Бунина, стоит помнить о как минимум тройной проекции, которая только и может дать хотя бы приблизительное представление о них: что осталось в записях Бунина (и что ему было в них дорого) – что в них могло быть (соотношение с реальным течением жизни) – и чего в них нет (с гадательным предположением о явленности событий в исходном тексте дневника).

С этой точки зрения одним из самых драматических периодов жизни Бунина являются первые годы во Франции и то, как он сам распорядился своими дневниками 1920-х годов. Объективные хронологические границы в данном случае не вполне совпадают с содержательным наполнением этого времени как определенного этапа бунинской жизни. Можно сказать, что 1920-е годы начинаются для Бунина и его жены, Веры Николаевны отъездом из Одессы в начале февраля 1920-го, что сквозь

весь означенный период проходит надежда на возвращение в Россию и что только в начале 1932 года к Бунину приходит осознание того, что это возвращение невозможно. Пунктиром – внешне как будто частным, на деле же, как представляется, более чем существенным для бунинского настроения этих лет – служат встречи с давними (по крайней мере, с 1905 г.) петербургскими знакомыми Буниных Михаилом Ивановичем и Софьей Михайловной Ростовцевыми², и мысли, вызванные разговорами с ними. В первый раз после бегства из России Бунины встретились с Ростовцевыми весной 1920 года, только приехав в Париж и оказавшись в самом центре культурной жизни и общественной полемики о проектах, планах и предположениях о выходе из революционной катастрофы. Конкретных записей разговоров того времени нет, но когда через три го-

² М.И. Ростовцев был учеником Н.П. Кондакова, с 1920 года (до смерти в 1952 г.) подолгу жил в США, получил мировое признание как историк античности. Будучи академиком Императорской Академии наук (и членом-корреспондентом Берлинской и Британской академий), стал одним из двух академиков в эмиграции, кто в начале 1931 года рекомендовал Бунина Нобелевскому комитету.

да они встретились в апреле 1923 года, В.Н. Бунина отметила в дневнике: “Мих[аил] Ив[анович] очень изменился внутренне. У него пропала присущая ему веселость. Он стал спокойнее. [...] И внутренне решил, что в Россию, если и удастся попасть, то только в качестве знатного иностранца. ‘Я и умру в Madison’e, и памятник мне там поставят, и недурной’”³. Видимо, тогда Бунины еще не верят, что их эмиграция навсегда. В первый день того же 1923-го года, открывая новую тетрадь дневников, В.Н. Бунина записывает:

Новый год франц[узский] мы встретили на мосту Алекс[андра] III. Мы возвращались от Карташевых пешком. На мосту я сказала: “Интересно, который час?” Ян вынул часы. Стрелка показывала ровно 12. Нам показалось это знаменательным. Может, этот год принесет нам⁴, недаром мы встретили его на мо-

сту, кот[орый] символизирует величие прежней России⁵.

Но прошло время: западные страны признали СССР, кто-то (как А.Н. Толстой или Б.В. Савинков) вернулись в Москву, “осоветились” или погибли, другие уехали из Парижа (как М.О. и М.С. Цетлины в Лондон, или сами Бунины, которые большую часть года стали проводить в Грассе), и в январе 1932 года В.Н. Бунина приходит к мысли: “По-видимому, эмиграция действительно входит в какой-то новый свой фазис [...] скоро те, с кем мы начинали нашу жизнь за рубежом, перейдут, если не в историю, то в воспоминания”⁶. А еще через месяц записывает слова Бунина о том, что “в Россию нам не вернуться, раньше жила где-то на дне надежда, а теперь и она пропала... Надолго там заведена песенка”. И далее В.Н. Бунина пишет:

И я вспомнила, в сотый раз Ростовцева, как он в

³ В.Н. Бунина, Дневник 1923 г. (запись 1 апреля), Русский архив в Лидсе (далее РАЛ), MS 1607/379.

⁴ Так в тексте: очевидно, В.Н. Бунина не заметила смыслового пропуска слова.

⁵ В.Н. Бунина, Дневник 1923 г. (запись 1 января), РАЛ. MS 1607/379.

⁶ В.Н. Бунина, Дневник 1932 г. (запись 9 января), РАЛ. MS 1607/407.

первый год эмиграции⁷ говорил:

– В Россию? Никогда не попадем. Здесь умрем... Это всегда так кажется людям, плохо помнящим историю. А ведь как часто приходилось читать, например, “не прошло и двадцати пяти лет, как то-то и то-то изменилось”, вот и у нас будет так же, не пройдет и двадцати пяти лет, как падут большевики, а может быть, и пятидесяти, но для нас с вами, Иван Алексеевич, это вечность...

Помню, я не поверила этим словам, и не умом, а как-то всем организмом, как двадцать пять лет, значит, я не увижу своих? Увижу Москву уже старухой... нет, этого не может быть, никогда!!! А теперь чувствую, что и старухой едва ли увижу то, о чем думаю ежедневно⁸.

⁷ Судя по приведенной выше записи В.Н. Буниной, это было не “в первый год эмиграции”, а в 1923 г.

⁸ В.Н. Бунина, Дневник 1932 г. (запись 11 февраля), РАЛ. MS 1607/407. Эти мысли возникают на волне встреч начала 1932 г. В январе в Грассе гостит В.В. Вырубов, с которым Бунины говорят об эмиграции, о Б. Савинкове (Вырубов видел его

Очевидно, в этих словах выражено общее настроение в бунинском доме⁹. Так заканчивался первый период эмигрантской жизни и начинался второй, главное событие которого придется на следующий, 1933-й год, когда Бунин первым из русских писателей и единственным из эмигрантов первой волны получит Нобелевскую премию по литературе.

Как же представлены 1920-е годы (в этом расширенном их понимании: 1920–1932 гг.) в бунинских дневниках, точнее,

накануне отъезда в СССР), о А. Толстом (его новом романе, об эмигрантах *Черное золото*; “возмущались его падением”, – пишет В.Н. Бунина). В феврале приезжают И.И. и А.О. Фондаминские и с ними Г.П. Федотов, захваченные идеей издания «Нового града», который кажется Бунину “игрой” и “ничтожной” затеей (там же; записи 3 января и 11 февраля).

⁹ Схожие настроения в те же дни см. в дневнике Г.Н. Кузнецовой в связи с похоронами В.Н. Ладыженского: “Дождаясь прибытия тела, мы с Л. [Зуровым] обошли все кладбище. Нигде я не видела такого собрания самых лучших отборных фамилий России, и почти все это за последние два года! Эмиграция вымирает. [...] На И.А., как всегда подействовали наши рассказы [...] Вечером он ходил один гулять и говорил мне потом, что ему было очень грустно” (Кузнецова 1995: 232–234; запись от 20 января 1932 г.).

повторим, в тех дневниках, которые сам Бунин оставил после неоднократного и тщательного разбора своего архива?¹⁰ Забегая вперед, скажем, что в них не сформулированы ни та надежда, ни то отчаянье, которые обозначают в дневнике его жены начало и конец этого периода жизни: дневники самого Бунина сфокусированы на конкретных событиях и если и вбирают в себя иные впечатления, то это впечатления природной жизни и мгновенных зарисовок, того поэтического восприятия жизни, которое – в ином преломлении – выражалось на страницах его художественных произведений.

За весь 1920-й год осталась позднейшая машинописная перепечатка единственной записи, сделанной Буниным 19 августа¹¹. Прошел почти год после смерти Л.Н. Андреева (12 сентября 1919 г.) и пять месяцев с тех пор, как о ней до-

¹⁰ Частично опубликованы в: Устами Буниных I–III; полностью готовятся к публикации во 2-й книге посвященного И.А. Бунину тома серии “Литературного наследства”.

¹¹ РАЛ. MS 1066/517. Здесь возможна датировка по старому стилю; далее, по крайней мере, до середины 1920-х гг. Бунины часто ставили перед записью двойную дату; в тексте настоящей статьи в таких случаях даны только даты по новому стилю.

стоверно узнали Бунины (22 февраля 1920 г.)¹². В начале августа В.Д. Набоков написал Бунину, что И.В. Гессен ждет от вдовы Л.Н. Андреева разрешения на публикацию избранных фрагментов его дневника, и, возможно, приложил к своему письму андреевскую “рукопись” или ее копию¹³: Бунин открывает свои эмигрантские записи словами: “Прочел отрывок из дневника покойного Андреева. “Покойного”! Как этому поверить!” и т.д.¹⁴.

Ни одно из коренных изменений бунинской жизни: бегство из Одессы, приезд в Париж, первая квартира на 48 bis, rue Raynouard, затем обустройство

¹² См.: В.Н. Бунина, Дневник 1920 г. (запись 22 февраля), РАЛ. MS 1067/369. Первый слух о смерти Л.Н. Андреева пришел к Буниным в письме И.С. Шмелева (РАЛ. MMS1066/5066), но тогда они ему не поверили.

¹³ См. автограф: РАЛ. MS 1066/3941, а также публикацию и комментарий Р. Дэвиса и М. Шраера (С двух берегов 2002: 189, 208).

¹⁴ Полностью см.: Устами Буниных, II: 15–16. В том же ключе Бунин впоследствии будет отзываться на смерть многих: своего брата Ю.А. Бунина, вел. кн. Николая Николаевича, А.Н. Толстого и т.д., см.: Устами Буниных, II: 74–76 (записи Бунина 21–24 января 1922 г.), 193 (записи В.Н. Буниной 6–7 января 1929 г.); Устами Буниных, II: 176 (запись Бунина 24 февраля 1945 г.).

в доме на 1, rue Jacques Offenbach, с которым будут связаны 33 года его дальнейшей жизни, теснейшее общение с парижским кругом русской эмиграции (М.О. и М.С. Цетлины, А.Н. и Н.В. Толстые, А.И. и Е.М. Куприны, И.И. и А.О. Фондаминские, М.А. Алданов, К.Д. Бальмонт, Н.А. Тэффи и мн. др., с октября – период сближения с З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским), политические диспуты с эсерами, знакомство с Б.В. Савинковым, ожидание вестей из еще не сданного Крыма, сотрудничество с издательством “Русская земля”, в котором будет издано несколько его книг, – ничто из этого не нашло отражения в итоговом тексте личного дневника Бунина за этот год. Причем если для каких-то иных лет можно предполагать изначально более полный текст дневника, то очевидных причин, по которым Бунин уничтожил бы записи 1920-го года, как будто нет: не исключено, в первые месяцы после приезда в Париж он действительно не вел более или менее регулярных записей.

Дневник Бунина 1921-го года представлен обширным собранием листов разного времени (первоначальными фиксациями одних событий и позднейшими воспроизведе-

ниями других)¹⁵. Он начинается довольно подробными записями 7–15 марта (Кронштадтское восстание, экспрессивные выписки из газет «Последние новости» и «Общее дело»), 14–21 апреля (политические новости из России, разговоры с Мережковскими о Савинкове, перечитывание *Капитанской дочки* А.С. Пушкина, исторических трудов С.М. Соловьева, дневника А.И. Герцена – всё в мыслях о революционных катаклизмах). Примерно тогда же сделаны отрывочные записи о смерти дочери Н.В. Чайковского Веры (в замуж. Брессе) и похоронах Е.И. Кедрина¹⁶, и каждый раз с мукой о конце всей прежней жизни и России: “Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию...” (6 мая, см. также запись 21 июня: “Сон, дикий сон! Давно ли все это было...”). За ними следуют зарисовки новых знакомств (“король жемчугов” Л.М. Ро-

¹⁵ И.А. Бунин, Дневник 1921 г., РAL MS 1066/518.

¹⁶ Евгений Иванович Кедрин (1851–1921) – адвокат, политический деятель, член I Государственной думы, член Государственного совета, министр внутренних дел в Северо-Западном правительстве при генерале Н.Н. Юдениче (1919). С 1920 г. жил в Париже. Умер от болезни сердца, похоронен на кладбище Батиньоль.

зенталь, “шлиссельбуржец” С.А. Иванов, недавно прибывшие из Крыма А.В. Кривошеин и Ю.Н. Маклаков, и др.), подробнее всего – из немецкого Висбадена, где Бунины проводили лето вместе с Мережковскими и В.А. Злобиным и много говорили о большевиках и о Блоке. По возвращении в Париж осенью – редкие сохранившиеся записи о первых после потрясений прошлых лет попытках вернуться к собственно художественному творчеству (см. запись 27 октября–9 ноября: Устами Буниных, II: 66–67).

Но главное событие внутренней жизни Бунина этого года – полученное им в декабре известие о смерти в Москве (еще 17 июля) старшего, любимого брата Юлия – попадет на страницы дневника только следующего года: получив ошеломляющее, роковое для него сообщение, Бунин в дневнике его не оставил.

Дневник 1922-го года¹⁷ открывается довольно плотными заметками, переписанными и перепечатанными, очевидно, с несохраненного оригинала: описанием торжеств к 300-летию Мольера, на котором Мережковский произносит

¹⁷ И.А. Бунин, Дневник 1922 г., РАЛ. MS 1066/519.

речь (“[...] плохо слушали, – что им мы, несчастн[ые] русские!”, 18 января), и вечера Мережковских у Цетлиных 20 января, затем продолжается горестными записями о Юлии, смерть которого Бунин переживал мучительно, и воспоминаниями о прошлом. Вскользь упоминаются предложение “чехов” ехать “в Прагу читать лекции русским студентам или поселиться в Тшебове так, на иждивении правит[ельства]” (19 января), встречи со знакомыми, вечер в пользу Тэффи (4 февраля), вечера Дона Аминадо (11 февраля) и Куприна (6 апреля)¹⁸, знакомства с А. Жидом (18 марта) и К. Фаррером (9 мая). Весной главной политической новостью становится конференция в Генуе, вызывающая у Бунина понятное негодование (“Гену-

¹⁸ При этом пропускается собственное выступление на “вечере у Шестовых” с чтением рассказа *Безумный художник* и сказки *Как Емеля на печи к царю ездил*. В.Н. Бунин в краткой заметке того дня (2 апреля 1922 г.) отметила: “Много гостей, много молодежи. [...] смеялись некоторые прямо до слез. Потом за чаем его стали упрашивать [еще] почитать. [...] он прочел один чеховский рассказ. Я удивилась, как он без подготовки так смог хорошо, прямо артистически прочесть его” (РАЛ. MS 1067/374).

эзская гнусность”, 11 апреля)¹⁹, главной бытовой – поиски дома на лето. После начала мая следующие записи идут только в октябре: главным образом, ремарки о прочитанных книгах (*Петербург* А. Белого, стихи К. Павловой, Ахматовой, Блока, Кузмина), преддверие гастролей МХТ в Париже (пока еще вести о приеме труппы в Берлине). В течение всего года записи встреч и событий перебиваются зарисовками ночных парижских улиц (“Огни в Сене – русск[ие] национал[ьные] флаги” – деталь, которая позже перейдет в *Поздний час*, 10 апреля), звона древнего колокола в Saint-Denis в Амбуазе (“на древние русские похож”, 3 октября), щеглами, напоминающими о Глотова (23 октября).

За рамками событийной канвы дневника оказываются долгожданный развод с А.Н. Цакни, брак (сначала гражданский, затем и церковный) с В.Н. Муромцевой и четыре месяца одного из самых поэтических периодов “дограсской” жизни: четыре месяца

¹⁹ 10 апреля–20 мая 1922 г. в Генуе проходила международная конференция, на которой советское правительство впервые было представлено на равных с западными странами, что вызвало возмущение в эмигрантских кругах.

(7 июля–6 ноября) в Шато Нуарэ под Амбуазом. Как и в прошлый раз, Бунины уезжают на отдых с Мережковскими, как и прошлый раз, в центре их разговоров – Блок и символизм. О пребывании в Амбуазе в дневнике Бунина говорят только пометы рядом с датами: 14 сентября и 3 октября, и уже названное упоминание о колокольном звоне с древней (XII в.) церкви Saint-Denis.

За следующие годы записей становится (оставляется?) все меньше.

Записи 1923 года²⁰ (видимо, переписанные Буниным с оригинала) фрагментарны: две записи за январь, пять за август, по одной за сентябрь и октябрь. “Событийное” отражено только в первых: 14 января Бунин пишет о праздновании Нового года у князя В.Н. Аргутина (“Нувель, Зилоти. Позднее художн[ик] Пикассо с женой, которая по происхожд[ению] русская”), 15 января фиксирует получение первого письма от преподавателя Лундского университета М.Ф. Хандамирова – так начинается переписка, сыгравшая значительную роль в получении (спустя

²⁰ И.А. Бунин, Дневник 1923 г., РАЛ. MS 1066/520.

10 лет) Буниным Нобелевской премии. Все дальнейшие записи года – отражения впечатлений, мыслей, прочитанного, увиденного и пойманного взглядом художника.

Ни приезд в Париж И.С. и О.А. Шмелевых, которым Бунин помог получить французскую визу, ни впервые вспыхнувшие тогда нобелевские хлопоты, ни бунинская лекция в Сорбонне (24 января) – и это только за январь 1923 года, не упоминаются в оставшихся записях. В последующие месяцы Бунины “пропускает” отразившееся в дневниках его жены, важное в ту пору общение с М.И. и С.М. Ростовцевыми (см. выше), серию литературных вечеров в Париже (в том числе свои собственные, 17 апреля и 21 декабря), первый приезд в Грасс и первую, снятую в мае виллу Mont Fleury, на которой Бунины (а с начала июня и Шмелевы) прожили до начала октября (она не упоминается и в сделанных на ней записях августа – сентября) и где будет написан рассказ *Несрочная весна*, который (вместе с так же “забытыми” в дневнике рассказами того же года *Конец* и *Косцы*) начинает прозу Бунина эмигрантского периода. В его записях не осталось ни разговоров с живущими в Грассе по

соседству Мережковскими (в октябре Бунины будут жить прямо у них), ни возвращения в Париж, ни встреч с перебравшимся из Белграда П.А. Нилусом (близким другом одесских времен, поселившимся в Париже в одном доме с Буниным), ни приезда под самый новый год Б.К. и В.А. Зайцевых, с которыми Бунины были хорошо знакомы по Москве и будут теснейшим образом связаны в эмигрантской жизни. В самих этих объективно значительных фактах, известных по другим источникам, нет как будто ничего, отчего Бунин мог бы желать избавиться. Если эти записи были, почему Бунин не пощадил их, уничтожил? А если их и не было – то в чем причина: в невнимании к этим событиям или в нежелании вообще вести дневник в ту пору? Занимали ли эти события сознание Бунина настолько, чтобы попасть в дневник, или оставались на периферии его тогдашней жизни? – Ответы найдутся едва ли, но это не значит, что не стоит и спрашивать.

Все записи 1924-го года²¹ уместились на пяти рукописных листах; по крайней мере одна

²¹ И.А. Бунин, Дневник 1924 г., РАЛ. MS 1066/521.

из них (первая, от 3 марта) производит впечатление оригинала, последующие, сделанные в период с 1 июня по 9 сентября, и судя по бумаге, которой Бунин пользовался в 1930-е годы, переписаны позже. Среди этих записей главенствуют не встречи и события, а впечатления и размышления: о первых днях нового сезона в Грассе на Mont Fleury и виде на мыс Эстерель (“Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах!”, 1 июня), цветении деревьев и снах (14 июля), ночном небе и звездах (23 августа) и т.д.²² Наряду с этим Бунин делает выписки из книг и газет, но они единичны, а встречи с людьми преломляются не содержательной фиксацией разговоров, а художественными штрихами облика собеседников: о сыне А.В. Колчака Ростиславе он записывает только впечатление от его глаз (17 августа, см. ниже), о грасском знакомом, дипломате дореволюционной поры А.В. Неклюдове: “Совершенно не слушает собеседника, соверш[енно] не интересуется им!” (23 августа). Единственная за год (и вообще редкая в бунинских дневниках) помета “NB” стоит напротив записи,

обращенной к собственным воспоминаниям и непонятной постороннему читателю: “О том, как я ехал раз летом в трамвае” (14 июля). Таким образом, в сохранившихся дневниках этого времени меняется сам тип записей: это уже менее всего хроника жизни, а осколки единичных мгновений, уловленных зорким взглядом наблюдателя, или заметки о них себе на память. Между тем 1924-й год был насыщен событиями. В начале его Бунин погружается в круговорот парижской интеллектуальной и художественной жизни (встречи с Б.К. и В.А. Зайцевыми, И.И. и Т.И. Манухиными, Н.К. и Н.И. Кульманами, П.Б. и А.П. Струве, А.В. Карташевым, Н.С. Гончаровой и др.), в феврале начинает получать стипендию чешского правительства (она будет весомым подспорьем бунинского бюджета ближайших лет) и выступает на вечере “Миссия русской эмиграции” с речью, которая вызовет множество противоречивых откликов в эмигрантских кругах, с 30 апреля до начала ноября, живя в Грассе, вновь тесно общается с Мережковскими (и несомненно обсуждает с ними внезапный отъезд в СССР Савинкова, занимавшего его мысли в прошлые годы), ведет

²² См. Устами Буниных, II: 126–129.

споры о русском народе с Фондаминским (их записывает В.Н. Бунина), принимает у себя Е.М. Лопатину, М.И. и С.М. Ростовцевых, Н.К. и Н.И. Кульманов, совершает поездки по округе, – и сам потом не может точно вспомнить: “Вот уже и не вспомню числа, когда ездил с Верой Рафаил[овной] [Мартыновой] и Моисеенко в Марсель (на автомоб[иле]). Кажется, позапрошл[ый] четверг” (9 сентября)²³. Ни чтение (как, например, в мае Достоевского, всегда вызывавшего у Бунина раздражение), ни собственное писание (в июне – сентябре написана *Митина любовь*, а следом *Дело корнета Елагина*, *Солнечный удар*, *Ида*), ни круг мыслей и чувств, общий его произведениям того времени, не отражен в бунинском дневнике, и в этом случае можно предположить, что и не был отражен: граница между личными записями и творческим опытом оставалась вполне ясной²⁴.

²³ Из записей В.Н. Буниной известно и о других поездках, в том числе о той, из которой год спустя, вполне возможно, рождается ключевой для Бунина рассказ *Цикады*; см.: Устами Буниных, II: 128 (запись 5 августа 1924 г.).

²⁴ Для сугубо творческих записей Бунин пользовался отдельными записными книжками (готовятся к публикации во 2-й книге посвященного

За 1925–1927 годы записей не сохранилось вовсе. С высокой долей вероятности можно предполагать, что они были, но стали жертвой одного из тех “аутодафе, которые Бунин периодически устраивал в своей печурке” (Бахрах 2006: 176), в том числе – как раз летом 1925 года, когда, как отметила в своем дневнике В.Н. Бунина, Бунин “разорвал и сжег все свои дневники-рукописи” (Устами Буниных, II: 145; запись 30 июля 1925 г.). Летом 1926 года произошло событие, надолго определившее жизнь Бунина: он познакомился с молодой поэтессой и писательницей Галиной Николаевной Кузнецовой и в следующие годы переживал одну из самых напряженных любовных историй своей жизни. В наиболее драматический ее период, в 1934 году, Бунин забрал у Г.Н. Кузнецовой свои письма, “изорвал и сжег” их²⁵. По всей видимости, та же участь постигла и его дневниковые записи, сделанные во время их романа. Скорее всего перед уничтожением очередной части своего дневника Бунин составил своего рода хронологический кон-

И.А. Бунину тома серии “Литературного наследия”).

²⁵ И.А. Бунин, Дневник 1940 г. (запись 2 мая), РАЛ. MS 1067/532.

спект для одного из годов – 1928-го²⁶. В нем кратко перечислены отдельные события, касающиеся его и Кузнецовой (других людей – реже): их поездки (19 февраля–5 апреля в Париж, затем растянувшееся на полтора месяца возвращение в Грасс), встречи со знакомыми, этапы его работы над *Жизнью Арсеньева*, Кузнецовой – над ее рассказами, памятные детали отдельных дней, понятные только участникам событий. За следующие годы записи единичны: за 1929 год сохранилось три заметки (все уместившиеся на одном листе), за 1930 год – одна, за 1931-й год – четыре, за 1932-й – три²⁷. Все перипетии своего самого острого личного сюжета последних лет, которому были отданы огромные душевные силы²⁸, Бунин постарался убрать из своего ар-

хивного багажа, что только подчеркнуло важность для него этой линии – как в пору ее взлета, так и в пору разрыва. Далекое представление о том опыте чувств, который был связан для него с Кузнецовой, дают две заметки 1932 года. Первая сделана 10 марта в Грассе: “Темный вечер, ходили с Галей по городу, говорили об ужасах жизни. И вдруг – подвал пекарни, там топится печь, пекут хлебы – и такая сладость жизни”. Вторая – там же, 18 октября: “Лежал в саду на скамье на коленях у Г[али], смотрел на вершину дерева в небе – чувство восторга жизни [...]”²⁹. За исключением этих записей, остальные заметки, оставшиеся в дневниковом собрании Бунина тех лет, имеют характер, скорее, случайный и нейтральный. Ничто не говорит против того, что записей такого рода (как и в другие годы) было больше. И снова встает вопрос: почему же, уничтожив почти все записи о самом счастливом периоде своей любви и вместе с ними, с высокой долей вероятности, иные записи тех лет, Бунин оставил именно те, которые оставил (переписал, выделил, сохранил)? Чем были для него

²⁶ См. два рукописных частично пересекающихся свода: РАЛ. MS 1066/522 (январь–21 июня 1928 г.) и РАЛ. MS 1066/523 (6 апреля–14 декабря 1928 г.). Частично опубл. в: Устами Буниных, II: 172–173, 176–177.

²⁷ Записи 1929–1932 гг. см.: РАЛ. MS 1066/524. Частично опубл.: Устами Буниных, II: 192–279 (вместе с выдержками из дневника В.Н. Буниной).

²⁸ История отношений Бунина с Г.Н. Кузнецовой частично восстанавливается из эпистолярного сегмента его семейного архива, см. Бунин 2014 и Бунин 2019.

²⁹ Полностью запись 18 октября 1932 г. см.: Устами Буниных, II: 276.

они, и почему только за 1928 год он составил пусть краткий и зашифрованный от посторонних глаз хронологический свод? И были ли хотя бы такие своды за другие годы, не дошедшие до нас?

Наконец, еще одну область вопросов, едва ли имеющих однозначное решение, образует сопоставление дневников Бунина с синхронными дневниками его жены, Веры Николаевны. Кажется, записи В.Н. Буниной должны были бы служить непосредственным обрамлением, расширением и дополнением записей Бунина: она – ближайший участник его жизни, ее дневники огромны: за каждый из 1920–1923, 1927, 1930–1932 годов – более ста страниц в машинописном исчислении, за остальные годы этого периода чуть меньше, но все равно несопоставимо больше, чем сохранившихся дневников ее мужа. Однако если за 1920-й год записи В.Н. Буниной не только многократно подробнее дневника Бунина, но и являются, по сути, первым источником сведений о начальном периоде их жизни в Париже, то сравнение семейных дневников следующих лет показывает несовпадение не только в значении, но и в упоминании событий общей жизни.

Всю первую половину 1921 года Бунин заполняет дневник выписками политических новостей из газет и прочитанных книг – В.Н. Бунина описывает, главным образом, парижские визиты и вспоминает эвакуацию из Одессы.

Сквозной темой дневника Бунина начала 1922 года оказываются торжества к 300-летию Мольера и выступление на них Д.С. Мережковского – у В.Н. Буниной об этом ни слова. Настойчивые приглашения Бунина в Чехию (и соответствующие упоминания о них в его дневнике) отзываются только в коротком перечне возможностей и сомнений: “Мы опять на распутьи: Чехия, Германия, оккупированная местность³⁰ или юг Франции или, наконец, Париж в 100[-]фр[анковой] квартире”³¹. Терзавшая Бунина Генуэзская конференция в дневнике его жены не присутствует вовсе. Совместная поездка в парижский пригород Мезон-Лаффит (Maisons-Laffitte) на поиски летнего жилья (23 апреля) – тоже³². За исключением по-

³⁰ Речь о Рейнской области Германии, оккупированной Францией с 1918 г.

³¹ В.Н. Бунина, Дневник 1921 г. (запись 8 февраля), РАЛ. MS 1067/374.

³² В лаконичном дневнике Бунина это одно из немногих упоминаний его жены: “Ездили с Верой через Maison

следнего, эти разночтения еще можно объяснить разницей интересов и забот, но сравнение записей следующих лет говорит о том, что разница только увеличивается³³.

В 1923 году и Бунин, и Вера Николаевна описывают встречу “русского” нового года у князя В.Н. Аргутинского и праздничный обед на следующий день у двоюродной сестры В.Н. Буниной М.С. Брюан (запись в дневнике Бунина 14 января); на завтра – получение письма М.Ф. Хандамирова (см. выше). Затем в дневнике Бунина наступает перерыв до августа: 16 августа он упоминает купание в Бокка (пригороде Канн) – В.Н. Бунина этот день пропускает; 18 августа оба отмечают лесной пожар в окрестностях Грасса; 19 и 20 августа Бунин делает выписки из Горация,

Lafitte в С.-Жермен. Чудесная погода, зеленеющий лес” (РАЛ. MS 1066/519).

³³ Для 1922 г. отметим также, что если Бунин в дневнике отзывается на спектакли Московского Художественного текста в Берлине осенью (см. его запись 3 октября 1922 г.: Устами Буниных, II: 94), то В.Н. Бунина подробно останавливается на приеме труппы театра в Париже в декабре: ни она прежде, ни он в своей единственной записи за декабрь больше не упоминают о гастролях МХТ, ставших значительнейшим событием эмигрантского культурного сезона.

Гете, Лаоцзы, Тютчева (ключевые для его творчества этого времени) – записей В.Н. Буниной за эти дни нет; в ночь с 9 на 10 сентября Бунин записывает: “Проснулся в 4 часа, вышел на балкон – такое божественное великолепие сини неба и крупных звезд, Ориона, Сириуса, что перекрестился на них”, В.Н. Бунина: “Письма от Оли³⁴ и Алексинской³⁵. Едем в Антиб с Мережк[овскими]” (9 сентября; за следующий день ничего не записано); в конце сентября (точной даты нет) Бунин предается размышлениям о вечности мира и бренности своей жизни (“Раннее альпийское утро”... и т.д.) – для В.Н. Буниной такие записи в принципе не характерны; 29 октября о поездке на “Лоренские” (Леринские) острова (напротив Канн) пишет только Бунин³⁶.

Из шести записей Бунина 1924 года только одна находит соответствие в дневнике его жены: 17 августа оба отмечают

³⁴ Возможно, речь о двоюродной сестре В.Н. Буниной Ольге Сергеевне Муромцевой (в первом браке Шаврина, во втором – Родионова; 1883–1968).

³⁵ Татьяна Ивановна Алексинская (урожд. Евтихеева; 1886–1968) – литератор, подруга В.Н. Буниной.

³⁶ Упомянутые записи Бунина 1923 г. см.: Устами Буниных, II: 119.

поездку к В.К. Пилкину³⁷. При этом Бунин пишет: “У Пилкиных. Вдова Колчака, его сын³⁸. Большое впечатление – какие у него темные, грозные глаза!”. В.Н. Бунина: “Поездка к Пилкиным. Их дача. Сиденье у моря. М-ме Колчак с сыном, возвращение на autocar’e”. За другие даты бунинского дневника (3 марта, 1 июня, 14 июля, 23 августа и 9 сентября) записей В.Н. Буниной нет.

Далее, пропуская 1925–1927 годы, за которые записей Бунина не сохранилось, и его ретроспективный конспект за 1928 год, обратимся к синхронным записям следующих лет.

Ни одной из трех его записей 1929 года не только нет содержательного соответствия в дневнике В.Н. Буниной (по крайней мере, одно из событий, 11 сентября – “[з]автрак в Antibes у [С.А.] Сорина – с [А.К.] Глазуновым и его женой, Тэффи и [П.А.] Тиксто-

ном” – могло бы в нем остаться), – судя по всему, она просто не открывала дневник в эти дни.

Единственная запись Бунина за 1930 год (16 октября; опять запись не “события”, а “впечатления”, см. Устами Буниных, II: 232) также осталась без “отзыва” в записях В.Н. Буниной: даже “событий” (получения писем, встреч, разговоров или т.п.) этого дня из ее дневника мы не узнаем.

В записях 1931 года (всего у Бунина их четыре) находятся два совпадения. Одно, возможно, чисто синхронное: 31 октября он пишет о предзакатном небе, видимом из его окна, чтении *Писем* К. Мансфильда³⁹, затем, через кукованье кукушки, вспоминает “вечер нынешней весной, похожий на русский” (см. Устами Буниных, II: 254); В.Н. Бунина подробно описывает события дня, в том числе разговор Бунина с Зуровым, в котором Бунин вспо-

³⁷ Владимир Константинович Пилкин (1869–1950) – контр-адмирал, морской министр в Северо-Западном правительстве, соратник Н.Н. Юденича.

³⁸ Жена А.В. Колчака Софья Федоровна (урожд. Омирова, 1876–1956) и их сын Ростислав Александрович Колчак (1910–1965) в 1919 г. уплыли из Севастополя в Констанц, жили в Париже, несколько раз встречались с Буниным, см. напр. Кузнецова 1995: 53–54; запись от 30 декабря 1927 г.

³⁹ Вероятно, речь идет об одном из изданий писем новозеландской и английской писательницы Кэтрин Мансфилд (Katherine Mansfield, 1888–1923) к ее второму мужу, писателю и критику Джону Миддлтоу Марри (John Middleton Murry, 1889–1957), см.: *The Letters of Katherine Mansfield*, ed. J. Middleton Murry, v. 1–2, Constable, London, 1928 (второе и третье издания вышли в Нью-Йорке в 1929 г. и в 1930 г.).

минал обжорные привычки своего “не то дед[а], не то прадед[а]”⁴⁰. Этот разговор происходит “после обеда”, затем Бунин, вероятно, возвращается в свою комнату и видит закат, но насколько его воспоминания о “русском” весеннем вечере подготовлены семейными историями, а насколько непосредственным, сиюминутным впечатлением, гадать не стоит.

Другое совпадение – редчайший случай записи общего переживания – посещения кафедрального собора Грасса 1 ноября, в день всех святых. В.Н. Бунина в подробной заметке этого дня пишет:

Мы с Яном гуляли. Были в церкви. Ян неожиданно сказал: “Что только люди друг над другом не

придумывали делать, например, распинать – наваливаются на человека и гвоздями прибивают тело, какой ужас”.

– Да, а Соловки, тамошнее издевательство, не дай Бог попасть... Страшным может быть человек. [...] ⁴¹.

Я молилась в церкви. Просила помощи. Обычно я ничего не прошу у Бога, кроме здоровья себе и близким. Думала, вспоминала, молилась о умерших. Сколько ранних смертей за последнее время [...] Ян последние дни очень мил, нежен, утром радостен ⁴².

Запись Бунина этого дня:

⁴⁰ “Потом Ян вспомнил, что его не то дед, не то прадед Аполлонович съедал меру раков и после этого выпивал несколько стаканов кваса с хреном, он всегда кричал: на два стакана хрену, на два стакана. И один раз так наелся и напился, что совсем обалдел: вошел в гостиную и в зеркале увидел себя, но не узнал и стал кричать: ‘Люди, кто это приехал?’ – и даже стал было совать руку в зеркало. [...] Стали вспоминать разные мужички кушанья. В Новгородской губ[ернии] пироги с щучьей икрой едят... Не то, что в наших местах...” (В.Н. Бунина, Дневник 1931 г.; запись 31 октября, РАЛ. MS 1067/403).

⁴¹ Это одно из редких свидетельств того, что Бунины имели представление о советской карательной системе. Незадолго до этого В.Н. Бунина отмечает в своем дневнике чтение книги Н.И. Киселева-Громова, служившего охранником Соловецкого лагеря и в 1930 г. перешедшего границу с Финляндией, “Лагеря смерти в СССР”: “Бывший чекист Киселев, бежавший оттуда, дает картины ада, но не Дантевского, а гораздо хуже” (В.Н. Бунина, Дневник 1931 г.; запись 14 октября, РАЛ. MS 1067/403).

⁴² В.Н. Бунина, Дневник 1931 г.; запись 1 ноября, РАЛ. MS 1067/403.

“La Toussa[i]nt”⁴³. Были с Верой на музыке, потом пошли в собор. Видел черепа: St. Honorat’a⁴⁴ и St. Gengoulfa⁴⁵. В 3 началась служба – под торжественно-звучные звуки органа выход священнослужителей, предшествуемый мальчиками. Потом труба и песнопения – безнадежно-грустные, покорные (мужские голоса) под оч[ень] тугие, круглокатящиеся, опять-таки очень звучные звуки органа, с его звучным скрежетом и все более откуда-то освобождающимся рычанием, потом присоединение ко всему этому женских голосов, уже грустно-нежными, умиленными: “А все-

⁴³ День всех святых в католической традиции.

⁴⁴ Св. Гонорат Арелатский (ок. 365–429 гг.), епископ Арля. Его мощи хранятся в кафедральном соборе Грасса.

⁴⁵ Св. Гангольф Бургундский (?–780?) – рыцарь при дворе короля франков Пипина III Короткого (отца Карла Великого), славный своими добродетелями, мученической кончиной и посмертными чудесами. Видимо, его мощи были привезены в Грасс по случаю праздника (они хранятся в соборах Ремерангля и Бамберга).

таки, Господи, Ты единое прибежище!”⁴⁶ [...]”⁴⁷.

На этом область сближения оказывается исчерпана: ни двум другим записям Бунина за 1931 год (4 ноября и 3 декабря), ни одной из трех записей 1932 года (10 марта, 3 и 18 октября) не находится даже “несовпадающих соответствий” в дневнике В.Н. Буниной – ее записей за эти дни нет⁴⁸.

Конечно, все подобные сопоставления более чем условны, особенно имея в виду позднейшую редактуру Буниным своих дневников; однако они оборачиваются своей сугубо практической стороной, когда дело касается комментирования

⁴⁶ Перефразированная цитата из Псалтыри и некоторых других книг Ветхого завета, где она присутствует в разных контекстах, см. напр. Пс. 17:3, 45:2, 60:4, 61:9, 77:35, 89:2, 90:2, 141:5, 143:2.

⁴⁷ Цит. по автографу: И.А. Бунин, Дневник 1931 г., РАЛ. MS 1066/524. (В изд. Устами Буниных, II: 254–255 погрешности в прочтении отдельных слов.)

⁴⁸ Справедливости ради отметим, что событийная подкладка, которая могла бы быть отражена и в дневнике В.Н. Буниной, присутствует только в одной записи Бунина – 3 октября 1932 г.: здесь его воспоминания о России отталкиваются от впечатлений ярмарки в Грассе по случаю дня св. Михаила, см.: Устами Буниных, II: 275–276.

ния бунинских записей: вопреки ожиданиям оказывается, что только в редких случаях дневники В.Н. Буниной могут служить ключом и контекстом к записям самого Бунина. Возвращаясь к ряду вопросов, заданных в начале статьи, легко предположить, что современные теории автобиографии продолжают их вопросом о том, каким Бунин хотел предстать на страницах своих сохранных дневников⁴⁹, иными словами, какой человеческий и литературный автопортрет вольно или невольно создан им в сумме двух разнонаправленных действий: ведения дневника и его позднейшей редакции: уничтожения одних записей и оставления других. Не касаясь здесь темы саморепрезентации писателя в его дневниках, обратим внимание на то, что в результате сплошной редакции собственных дневников, какую совершил Бунин, обнажаются два типа памяти и ее работы: памяти, воплощенной в записанном тексте, и глубоко личной, интимной памяти, убираемой из пространства доступного и своим и чужим глазам

текста. При этом и самому автору, скорее всего, было ясно, что отсутствие событий в запечатленном поле, некогда в нем бывших, не только не лишает их важности, но и во многих случаях резко повышает ее, придает ей едва ли не *метафизическое* значение. Вместе с тем вопрос об оставленных (поправленных, уничтоженных, отредактированных и т.д.) дневниках превращается в вопрос о вольности и невольности человека в пространстве своей судьбы и помертвой молвы о нем.

⁴⁹ О приемах создания Буниным своей литературной репутации на материале критических выступлений в дореволюционной прессе см. во вступ. ст. к публ. Бунин 2004.

Библиография

Бахрах 2006: А.В. Бахрах, *Бунин в халате. По памяти, по записям*, сост., вступ. статья и комм. Ст. Никоненко, Вагриус, Москва, 2006.

Бунин 2004: *“Литература последних годов – не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...”*. Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917), предисл., подгот. текста и примеч. Д. Риникера // *И.А. Бунин. Новые материалы*. Вып. 1, сост. и ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса, Русский путь, Москва, 2004, с. 402–456.

Бунин 2014: *И.А. Бунин. Новые материалы*. Вып. III. “Когда переписываются близкие люди...”: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961, науч. ред. серии О.А. Коростелев и Р. Дэвис; сост., подгот. текста, научный аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопровод. ст. Е. Р. Пономарева, Русский путь, Москва 2014.

Бунин 2019: *Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной 1906–1947 гг.*, предисл. и публ. Г.З. Брэдли, Т.М. Двинятиной *et al.* // *И.А. Бунин, Новые материалы и исследования*, отв. ред. О.А. Коростелев, ИМЛИ РАН, Литературное наследство, т. 100: в 4-х кн., кн. 1, Москва, 2019, с. 351–1169.

Двинятина 2019: Т.М. Двинятина, *Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект // Творческое наследие И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология)*, сост. О.А. Коростелев и С.Н. Морозов, Литфакт, серия “Академический Бунин”, вып. 1, Москва, 2019, с. 728–739.

Кузнецова 1995: Г.Н. Кузнецова, *Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад*, сост., подгот. текста, пред. и комм. А.К. Бабореко, Московский рабочий, Москва, 1995.

С двух берегов 2002: *С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом*, под ред. Р. Дэвиса и В.А. Келдыша, ИМЛИ РАН, Москва, 2002.

Устами Буниных (с указанием тома): *Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные ма-*

териалы: в 3 т., под ред. М. Грин, Посев, Frankfurt am Main, 1977–1982.

Шраер 2015: М. Шраер, *Бунин и Набоков: История соперничества*, Альпина нон-фикшн, Москва, 2015.